

Джулиус Хэмптон был блестящим химиком. На самом деле, он был гениален во всем, но больше всего ему нравилась химия. Порядок и симметрия в ней с самого начала взывали к его логическому уму, но его гениальность упивалась возможностями бесконечных комбинаций, взаимодействий и реакций абсолютно предсказуемых элементов.

Стюарт Кемикал давал ему большую свободу действий в том, чем он занимался. Старик, нанявший его, был педантичен и догматичен в бизнесе и жестко сдерживал его творческие способности. Самым большим прозрением старого пердуна было то, что он признал гениальность Джулиуса и взял его на работу стажером прямо из колледжа.

Дочь, которая возглавила компанию после его смерти, была совершенно другим человеком. Ее новаторский ум позволил задушенной компании расти в геометрической прогрессии, и она действительно признала и, что более важно, использовала активы своей компании. Это стало ясно, когда она назначила Джулиуса главой отдела исследований и разработок, выделила ему практически неограниченный бюджет, а затем ушла с дороги; она довольствовалась тем, что продавала и извлекала прибыль из его гения, а не пыталась его контролировать.

Джулиус не был мышастым научным гиком и никогда не испытывал проблем с привлечением кисок в свою постель, но Адриана Стюарт была ледяной королевой во всех смыслах этого слова. Высокая, длинноногая, подтянутая, аккуратная и пропорционально изогнутая, она кричала о чувственности и обещала неведомые сексуальные удовольствия, но оставалась отстраненной и недосыгаемой... ну, во всяком случае, недоступной, по крайней мере, пока он не нашел подходящую алхимию, чтобы оттаять ее.

Поэтому он допоздна возился в лаборатории, работая над своей последней страстью, когда Ронни Фицджеральд, мальчишка-уборщик, потревожил его, протащив свою тележку для уборки с перекошенными ручками метлы и швабры через узкие двери лаборатории. Парнишка был потенциальным ходячим бедствием, особенно в деликатной обстановке исследовательской лаборатории. Как из-за этого неумелого и неуклюжего ребенка все они не погибли в результате разлива токсичных веществ или мощного взрыва - один из многих жизненных вопросов, на которые пока нет ответа.

Уставший и расстроенный Джулиус набросился на подростка... "Я говорил тебе снова и снова, Ронни... оставь эту тележку в коридоре. Тебе не нужно все в лаборатории, только чтобы опорожнить мусорные баки и протереть стойки".

"Да, сэр, мистер Хэмптон. Извините."

Ронни изменил курс и с трудом протащил многотонную тележку обратно через дверной проем с максимальным грохотом и неразберихой. Это могло бы стать хорошей комедией, если бы не было таким реальным и тревожным.

С Джулиусом было покончено. Он знал себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что после такого нарушения концентрации ему больше не удастся поработать сегодня вечером. Он подумал про себя, выключая компьютер: "Пойду посплю несколько часов, а утром снова возьмусь за дело". Он чувствовал, как близок к прорыву, но он ускользал от него, оставаясь за пределами его понимания.

Он знал, что это клише, но он работал над химическим притяжением полов, пытаясь достичь, казалось бы, недостижимого. История была на его стороне, хотя она была полна неудач, но

также изобиловала примерами гениев, совершивших великие открытия при наличии соответствующей мотивации. Адриана Стюарт станет его добровольной секс-игрушкой... это был лишь вопрос времени.

Она заплатит за свой пренебрежительный отпор его ухаживаниям и колкие оскорбления, когда узнает о его первых отчаянных и кустарных экспериментах с феромонами. Она смеялась над его попытками, морщила нос от запаха и утверждала, что она лесбиянка... "Что ж, - подумал он тогда, - ей просто не хватало его общества... он ее "выправит"".

Джулиус встретил Ронни, идущего обратно через дверь.

"Я иду домой на ночь. НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙ! Просто вынеси мусор и убирайся".

"Да, сэр, мистер Хэмптон".

Ронни смотрел, как лабораторный халат исчезает за распашной дверью. "Чертов придурок." тихо сказал он себе под нос. Он знал, что он не был великим человеком по сравнению с такими мозговитыми людьми, как мистер Хэмптон, но это не делало его идиотом.

Как обычно, комната была в его распоряжении, и он не торопился, рассматривая все вокруг, удивляясь, как большинство из этого работает, и по-своему осторожно, чтобы ничего не нарушить, пока он занимался своими конкретными обязанностями.

Здесь было больше, чем обычно. Была пятница, так что, возможно, гики решили поработать сверхурочно в субботу пораньше.

Его внимание было привлечено, когда он увидел высокий стакан с водой, который, очевидно, стоял на прилавке. Он потянулся к нему, внезапно почувствовав сильную жажду. Он знал, что запрещено трогать что-либо, кроме мусорных баков, но как может быть проблемой прозрачный стакан с водой.

Он протянул руку и взял стакан. На ощупь он был прохладным, и от этого ему еще больше захотелось пить. Он поднес стакан ко рту и, даже испытывая жажду, заметил, что он не бурлит, как вода. Его мозг решил, что это не вода, и пересилил жажду, но прежде чем он успел сделать обратное движение, в комнате сработал зуммер будильника, таймер, который Джулиус установил, чтобы сообщить ему, что наступило полночь и пора уходить, что удивило Ронни и заставило его дернуться, отправив содержимое стакана, а не воды, выплеснуться через край и попасть ему на лицо. Часть попала ему в глаза, часть в рот; остальная часть удивительно густой, но скользкой жидкости покрыла его лицо.

Он уронил стакан, который, чудом не разбившись, упал на стойку, освободив руки, чтобы вытереть лицо. В процессе уклонения он наткнулся задом на другой стол, задев другие бутылки и тубики, забрызгав ими себя, пол и прилавок. Он отскочил, отплевываясь и брызгая слюной, сжимая и открывая глаза, проводя руками по лицу и глазам, пытаясь вытереть их, но преуспел только в смешивании различных элементов вместе.

То, что последовало за этим, было классической комедией с падением, сбиванием столов и полок, закончившейся падением лицом на пол в лужу химикатов, как твердых, так и жидких, некоторые из реакций вызвали выделение газа, который он вдыхал в панике.

Как и должна была зародиться жизнь на земле, извилины Ронни создали идеальную среду для идеальных комбинаций в идеальных пропорциях, чтобы они попали в идеально подготовленный контейнер. Через рот, глаза и кожу лица и рук смесь всасывалась в его тело, вместе с газом и

распылялась в ткани и кровоток, смешиваясь с еще большим количеством химикатов.

Ронни поднялся с земли, думая, что по всем правилам он должен испытывать невероятную боль, но, на удивление, остался невредим. Тем не менее, он направился к раковине, вытирая лицо, размазывая смесь, не зная, что она просачивается в его кожу, отфильтровывая одни элементы, позволяя другим, постоянно изменяя конечный результат.

Он включил воду и вымыл лицо и руки, вытирая остатки салфетками, запуская еще один критический процесс химических реакций, когда жидкость соприкасается с твердым телом, расщепляясь и перестраиваясь на пути к контакту с кожей, где одни части впитываются, а другие отфильтровываются и выбрасываются.

Чистое лицо и руки, прополосканный рот, промытые глаза - все это было частью алхимии того, что происходило в молодом теле Ронни. Повернувшись и оглядевшись, он понял, что попал в беду, но принялся за уборку того, что натворил.

Несколько часов спустя он закрывал лабораторию, а затем закончил свои другие обязанности. Он заметил жжение, которое началось в руках и лице, распространяясь оттуда. Ему показалось, что он перебрал кофеина... его сердце колотилось, а тело начало слегка подергиваться... так же внезапно, как и началось, оно утихло... и Ронни чувствовал себя нормально, немного потным, но в порядке.

Он вышел к своей маленькой компактной машине и направился домой, стараясь успеть до восхода солнца, зная, что его мать встает, чтобы увидеть рассвет, и она будет ругать его за то, что он задержался после работы. Он взглянул на небо и понял, что его ожидает выволочка... он никак не мог оказаться в постели до того, как она встанет.

Бетти Фицджеральд спустилась по лестнице на кухню, налила себе кофе из заранее приготовленного кофейника, выловила датчанина из контейнера из алюминиевой фольги и устроилась в своем обычном кресле, готовясь к утреннему ритуалу - восходу солнца. Это было единственное время суток, когда она была уверена в спокойном одиночестве. Ронни спал в постели, вернувшись с ночной работы уборщиком, а Дональд еще спал, дожидаясь последней минуты, когда ему нужно будет вставать и не опоздать на работу.

Этот мальчик был таким разочарованием. На протяжении многих лет она питала надежды, но каждый раз они рушились с треском. Он действительно ничего не умел и почти ничего не делал.

Она была страшно напугана, когда узнала, что беременна. Незамужняя, неквалифицированная, без реальных перспектив... Она была хороша собой и использовала эту внешность, чтобы привлечь Дона, достаточно старого, чтобы быть ее отцом, но легко манипулируемого и легко убеждаемого, что он отец, и да, она была бы счастлива поступить правильно и выйти за него замуж, дав их ребенку честный старт в жизни. Она ненавидела Дона за то, что он был молочным тостом, хотя именно это качество было ей необходимо, чтобы иметь возможность использовать его. Ей было горько, и она вымещала это на обоих мужчинах в своей жизни.

Секс с ним никогда не был хорошим... он был скучным, ленивым и слишком быстро старел. Она попыталась добавить немного остроты, попробовав пососать его жалкий мягкий член, но он взбесился, обвинив ее в том, что она пытается сделать его геем. Это было его оправданием того, что он не делает этого в "собачьем" стиле, оральном, анальном или любом другом варианте простого миссионерского секса... все остальное было чем-то вроде гомосексуальной

ловушки.

У Бетти, казалось, не было хорошего траха уже целую вечность. Даже мастурбация не помогала ей... она позволила себе выйти из депрессии и теперь была слишком ленива, чтобы попытаться вернуть ее, только чтобы изменить мужу. Больше всего она была противна самой себе...

<http://erolate.com/book/3247/78075>